

ЕСТЬ ЛЮДИ, для которых не существует ни времени, ни пространства. Они живут в своем, особенном и неповторимом, мире, как бы отгороженным от других людей невидимой, хрустальной стеной: попытается кто-то другой проникнуть в этот заветный уголок, и... наткнется на препятствие, не различимое простым глазом. Вот и у Гумилева был свой мир, наполненный конкистадорами, душными болотами Южной Америки, горными отрогами Кордильер, где в безбрежном синем небе парят кондоры и возвышаются снежные громады недоступных вершин, пылью африканских саванн, где бродят "изысканные жирафы", серыми, плохо отесанными камнями старинных замков, где живут короли и тролли, музыканты и прекрасные дамы, мирадами звезд Млечного Пути, неповторимыми красками осени, бушующими волнами океана, где бродят "летучие голландцы" и стоят на капитанском мостике очаровательные франты в кружевных жабо, небрежно сбивающие морскую пену со щегольских ботфорт...

"На полярных морях и на южных, по изгибам зеленых зыбей, меж базальтовых скал и жемчужных шлепетов паруса кораблей. Быстрокрылые ведут капитаны — открыватели новых земель, для кого не страшны ураганы, кто изведает малые тропы и мель..."

Знаменитые гумилевские "Капитаны"! Как часто цитировали строки этого замечательного стихотворения в начале XX столетия! Даже революционная сцена не избегала воспоминаний: в пьесе В. Вишневского "Оптимистическая трагедия" Комиссар полуротинский-полусерьезно декламирует: "...Или бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет, так что сыплется золото кружев с розоватых брабантских манжет...". Ирония-то иронией, а стихи и впрямь великолепны!

Закрываешь глаза и видишь черный, многопарусный фрегат, где просмоленные матросы так контрастируют с "господами-офицерами" — в париках, со стеками, с изысканными, почти игрушечными пистолетиками за расшитыми шелками поясами, гонящийся за пиратской фелукой в каком-то романтическом месте Мирового Океана: у мыса Горн или в жарких Карибских морях, где пальмы растут у самой воды...

Гумилев был популярен и любим во всех петербургских и московских гостиных: считалось признаком "хорошего тона" знать наизусть его изысканные стихотворения, уносящие мысли далеко-далеко от серой обыденщины: в страну инков, на озеро Чад, к египетским пирамидам, в средневековье, еще дальше — в библейские и добиблейские времена... Только России он посвящал совсем мало: лишь на закате жизни появились стихи о Родине, да и то преломленные через призму его видения... А оно было, увы, небезупречно! Талантливый поэт уживался в нем с вполне аполитичным человеком, для которого нарисованный мир заслонил все происходящее вокруг. Все события проносились мимо, не вызывая его участия, революции, войны, утраты он видел в своем, романтическом и отвлеченном, свете. Скорее, это были отблески реального мира или его отражение в причудливом зеркале гумилевского видения действительности... Он был всегда мечтательным юношей, и, кажется, его жизнь прервалась, когда смысл ее он только начал постигать.

Уже 75 лет Россия не может найти Гумилеву достойной замены. Пожалуй, только Коган — автор знаменитой "Британтин" — уловил истинно гумилевское значение романтики: "Так прощаемся мы с серебристой, самую заветную мечтой, флибустьеры и авантюристы...". Но и его ждала ранняя смерть — ушел добровольцем на фронт и погиб под Москвой... И Гумилев уходил на фронт добровольцем, но не в 1941-м, а в 1914-м! Воевал храбро, пулям не кланялся: заслужил офицерский чин и два солдатских ордена св. Георгия! Вышел из войны живым и невредимым, даже, кажется, ранен не был. Фортуна?

...3 (15) апреля 1886 года в Кронштадте в семье военного корабельного врача появился на свет второй сын — Николай. Ночь, когда он родился, была на редкость штормовой, и кто-то предсказал будущему знаменитому поэту бурную, полную приключений жизнь. Так и вышло: Николай Степанович хоть и не был так называемым "сорви-головой" (скорее, наоборот — тихий и мечтательный мальчик!), но на его долю выпало столько романтики, что и десятирм-то было многовато.

Учился Николай Степанович Гумилев плохо, что называется, "из-под палки" (к примеру, закончил гимназию он лишь в 20 лет!). Только словесность была его "слабостью" благодаря тому, что преподавал ее знаменитый Иннокентий Анненский. Памяти этого выдающегося человека Гумилев потом посвятит следующие строки: "Я помню дни: я, робкий, торопливый, входил в высокий кабинет, где ждал меня спокойный и учтивый, слегка седующий поэт". Впрочем, потом была учеба в университетах: Гумилев прослушал курс французской литературы в Сорбонне — и не без пользы для себя, затем пробовал силы в юриспруденции (и решил, что она не для него!), закончил историко-филологический факультет в Петербурге. Куда делась была гимназическая лень? Знания он постигал усердно и без большого напряжения, легко.

Стихи он начал писать рано. В 1902 году в "Тифлисском листке" (Гумилевы тогда проживали на Кавказе) появились еще несовершенные, юношеские: "Я в лес бежал из городов...". Причислять его к знаменательным вехам в творчестве Н.С.Гумилева не поднимается рука. Однако последующие его литературные "пробы" оказались весьма самобытными. И хотя Гумилев причислял к своим учителям К.Бальмонта, в его стихах видно влияние прозы и поэзии Р.Киплинга, которого он обожал, нельзя отрицать и некоторого влияния Игоря Северянина и В.Брюсова... Однако Николай Степанович далеко не подражатель — он яркая и неповторимая индивидуальность!

Поэтическое наследие Н.С.Гумилева сохранили известные сборники: "Пути конкистадоров" (СПб., 1905), "Романтические цветы" (Париж, 1908, 1918), "Жемчуга" (М., 1910, 1918), "Чужое небо" (СПб., 1912), "Колчан" (М. — Пг., 1916), "Костер" (СПб., 1918), "Мик. Африканская поэма" (СПб., 1918), "Шатер" (Севастополь, 1921; Ревель, 1921), "Огненный столп" (Пб., 1921), "Дитя аллаха. Арабская сказка" (Берлин, 1921), "Стихотворения. Поэтический сборник" (Пг., 1922; Пг., 1923), "К синей звезде". Неизданные стихи 1918 года (Берлин, 1923).

Нельзя не отметить прозаические произведения ("Тень от пальмы" (Пг., 1922), критические заметки ("Письма о русской поэзии" (Пг., 1923), переводы вавилонского эпоса, французских народных песен, китайских стихов, Теофиля Готье, С.Т.Кюльриджа... Многогранность? Да, многогранность! Свойственная лишь выдающимся личностям. А он, Гумилев, к таковым и принадлежал! По праву!

О себе Н.С.Гумилев подробно пишет в стихотворении "Память": "Только змеи сбрасывают кожи, чтоб душа телела и росла. Мы, увы, со змеями не схожи, мы меняем души, не тела... Память, ты рукою великаныи жизнь ведешь, как под удцы коня. Ты расскажешь мне о тех, кто раньше в этом теле жили до меня. Самый первый: некрасив и тонок, полюбивший только сумрак роц, лист опаший, колдовской ребенок, словом останавливавший дождь... И второй... любил он ветер с юга, в каждом шуме слышал звоны лир, говорил, что жизнь — его подруга, коврик под его ногами — мир... Я люблю избранника свободы, мореплавателя и стрелка. Ах, ему так звонко пели воды и завывали облака... Память, ты слабеешь год от году, тот ли это или кто другой променял желанную свободу на священный долгоданный бой. Знал он муки голода и жажды, сон тревожный, бесконечный путь, но Святой Георгий тронул дважды пулю не тронутую грудь..."

У нас на глазах, в стихотворных строках, происходит неизбежная трансформация мечтательного "колдовского" ребенка в своеобразного и капризного поэта; по мере мужания приходит черед "мореплавателя и стрелка", изысканного полимара, наконец — воин, доблестно защищающий Родину... Что бы стало дальше — превратился бы лихой вояка с двумя св. Георгиями в напыщенного "классика", "профессора археологии" или "изысканного словесности", в сиюминутного рифмача "на все случаи жизни", в седого мемуариста, смачно описывающего званый ужин с Бунными или Алексеем Толстым?... Это благозвучная Судьба, к счастью, укларила от нашего взора: Николаю Гумилеву — одному из изысканнейших русских поэтов начала XX столетия — было "отмерено" всего 35 лет и несколько месяцев. К великому сожалению, практически всякому Титану, пишущему на великом русском языке, был предназначен век короткий и долгая разлука, и с жизнью, и с Родиной! Есть в этом факте нечто печальное, вечное, такое безнадёжность, что невольно бывает жалко нашу талантливую литературную плеяду: лишь единицам уготованы лавры долгожителей.

Неужели эта роковая игра судьбы-Фатума бесконечно станет лишать Россию ее самой лучшей, интеллектуальной элиты? Ведь все они уходили нереализованными полностью, в расцвете сил. Им многое хотелось еще сказать своим соотечественникам! Но... не пришлось!

...НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ отличался какой-то необыкновенной непоследовательностью: большую часть своей жизни он провёл в путешествиях, постигая неведомые страны и народы, искал давно исчезнувшие города... Даже женитьба на Анне Андреевне Горенко, ставшей знаменитой поэтессой Анной Ахматовой, и рождение сына, впоследствии сделавшегося непревзойденным ученым-евразийцем, не "укротили" беспокойной природы замечательного поэта. Может быть, потому и распался первый брак: Ахматовой приходилось играть роль одинокой женщины... при живом и здоровом муже, для которого пропыленные африканские дороги, руины пирамид и сфинксов были дорожкой семейного "очага"... И не были панацеей от постоянного чувства одиночества его захватывающие рассказы: "...Послушай: далеко на озере Чад изысканный бродит жираф... Я знаю веселые сказки таинственных стран про черную деву, про страсть молодого вождя, но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, и ты веришь не хочешь во что-нибудь, кроме дождя. И как я тебе расскажу про тропический сад, про стройные пальмы, про запах немислимых трав... Ты плачешь? Послушай... далеко на озере Чад изысканный бродит жираф".

Потом была мировая война, на которую Гумилев пошел почти что весело, по зову сердца. И всемирную бойню он воспринимал

в один ряд с ним? Было много великих и талантливых, но второго такого певца далеких стран не родилось!

СВОЕОБРАЗНА гумилевская лирика. Она тоже носит на себе отпечаток дальних странствий, выпавших на долю Николая Степановича. "Из букета целого сиреней мне досталась лишь одна сирень, и всю ночь я думал о Елене, а потом томился целый день. Все казалось мне, что в белой пене исчезает милая земля, расцветают влажные сирени за кормой большого корабля. И за огненными небесами обо мне задумалась она, девушка с газельими глазами моего любимейшего сна. Сердце прыгало, как детский мячик, я, как брату, верил кораблю, оттого, что мне нельзя иначе, оттого, что я ее люблю".

А вот знаменитое гумилевское "Шестое чувство": "Прекрасно в нас влюбленное вино и добрый хлеб, что в печь для нас садится, и женщина, которую дано, сперва измучившись, нам насладиться. Но что нам делать с роковой зарей над холоделющими небесами, где тишина и неземной покой, что делать нам с бессмертными стихами? Ни светить, ни выпить, ни поцеловать, мгновение бежит неудержимо, и мы ломаем руки, но опять осужденны идти все мимо, мимо. Как мальчик, игры позабыв свои, следит порой за девичьим купаньем и, ничего не зная о любви, все же мучится таинственным желаньем: как некогда в разросшихся хвощах редела от сознания бессилья тварь скользкая, почуя на плечах еще не появившиеся крылья, — так век за веком — скоро ли, Господь? — под скальпелем природы и искусства, кричит наш дух, изнемогает плоть, рождая орган для шестого чувства".

Или изысканное, утонченное стихотворение — поэма "Беатриче": "В моих садах — цветы, в твоих — печаль. Приди ко мне, прекрасная печалью заворожена, как дымчатой вуалью, моих садов мучительную даль. Ты — лепесток иранских белых роз. Войди сюда, в сады моих томлений, чтоб не было прерывистых движений, чтоб музыка была пластичных поз, чтоб пронеслось с уступа на уступ задумчивое имя Беатриче и чтоб не хор менад, а хор девичий пел красоту твоих печальных губ". Не правда ли, чудесные, благоухающие стихи? Он был великим мастером стиха! Непревзойденным мастером!

...В жизни Н.С.Гумилева были две... Анны: его первая жена — Анна Андреевна Горенко (Ахматова), известная поэтесса, и Анна Николаевна Энгельгардт, его вторая жена, заглушившая боль от распавшегося первого брака, трагическую концовку которого переживали и Николай Степанович, и Анна Андреевна. Последняя, похоже, всю свою оставшуюся жизнь! "...Тихая девушка в платье из красных шелков, где золотом вышиты осы, цветы и драконы, с поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов, внимательно слушающая легкие, легкие звоны". Такой он пронес ее образ сквозь годы! И Ахматовой он приходил в снах, о чем свидетельствуют ее стихи. Ни в образе ли Командора, но не того, изванного из бронзы и гранита, а изысканного, серебряного Рыцаря с задумчиво-грустным лицом? Кто знает...

"...Знаю, куда-нибудь с дальнего берега Давнего Прошлого ветер весенний ночной принесет тебе вздох от меня...". Анна Андреевна переводила Р.Тагора и не находила ли в его стихах надежду на желанную встречу с тем, чей образ никогда не покидал ее память? А сам Гумилев, как бы предвосхищая несбыточное, написал в одном из стихотворений: "Но тебя, хоть ты теперь иная, я мечтою прежней узнаю. Ты меня манила лесной рая, и с тобой мы встретимся в рай".

Анне Николаевне Гумилевой (Энгельгардт) был посвящен самый, пожалуй, философски-апокалиптический сборник "Огненный столп". В нем можно найти новое осмысление происходящего, взгляд на прошлое, мечты о будущем... Трогательно стихотворение "Слоненок": "Моя любовь к тебе сейчас — слоненок, родившийся в Берлине мль Париже и топчущий ватными ступнями по комнатам хозяина зверинца. Не предлагай ему французских булок. Не предлагай ему кофейных капустных — он может съесть лишь дольку мандарина, кусочек сахара или конфету..." И тут же "Звездный ужас", "Заблудившийся трамвай", "Леопард" — стихотворения, от которых веет древними нормандскими сагами и восточными напевами, от фантазматичности которых кружится голова... Поэт, что называется, "на распутье": он ищет скрытый смысл Бытия... Поиски эти порой крайне мучительны, но он уже на пороге открытия своей новой жизни... Кажется, еще немного, и... обретет Гумилев "второе" дыхание в новой, прекрасной стране... К сожалению, этому не суждено сбыться. Он так и остался в Прошлое, а Будущего так и не увидел! Впрочем, не по своей вине. Таким, как он, трудно пережить революционное время — вспомним Андре Шенье, а Николай Степанович был очень схож с ним!

Н.С.Гумилев всегда оставался романтиком и... фаталистом. В его стихах можно найти предсказания своего же собственного конца. Вот стихотворение "Рабочий", датированное апрелем 1916 года: "Он стоит пред раскаленным горном, невысокий старый человек. Взгляд спокойный кажется покорным от мизаня красноватых век. Все товарищи его заслупи, только он один еще не спит: все он занят отпавшим пули, что меня с землею разлучит... Пуля, им отпавшая, просвещает над седою, вспененной Двиной, пуля, им отпавшая, отыщет гроб мою, она пришла за мной. Уаду, смертельную затоскую, прошлое увижу наяву, кровь ключом захлепет на сухую, пыльную и мятую траву. И Господь воздаст мне полной мерой за недолгий мой и горький век. Это сделал в буже серой-серой невысокий старый человек". Можно сказать, что все так и случилось! Талантливый поэт стал невольной (и ненужной!) жертвой революционной "сверхбдительности" в августе 1921 года. Кого в этом винить? Руководство тогдашнего петроградского ЧК? Зиновьева — лидера питерской парторганизации? Самого Николая Степановича, так и не преодолевшего врожденного высокомерия и ложного "кодекса чести", не позволявшего оправдываться и приводить доводы в свою защиту?

...Земной путь Гумилева напоминает "пути конкистадоров" — так назывался один его поэтический сборник, самый первый, изданный, когда автору было всего... 19 лет. Там есть строки, которые как нельзя лучше подходят к личности Николая Степановича: "Я конкистадор в панцире железном, я весело преследую звезду доли, далею голубую". Он шел за своей звездой... Она манила и звала: в черных африканских ночах под Южным Крестом, в расщепленных изумрудными сполохами небесах над родной Россией, в загадочных снах, что приходили после дальних дорог... Нашел ли он ее там, по ту сторону бытия земного? Растаяв в ослепительной голубизне августовского неба, в причудливой дымке раскаленных солнцем облаков, куда понеслась его бессмертная душа, чтобы обрести жизнь вечную? "...И умер я... И видел пламя, не виданное никогда: пред ослепленными очами светилась синяя звезда...". Так представлял себе встречу с неизведанным Н.С.Гумилев. Хочется надеяться, что его Земная Мечта в конечном итоге реализовалась: он достиг того, чего добивался всю свою короткую и удивительно насыщенную Жизнь. И видится мне: вот он бредет по звездной дорожке — от звезды к звезде, трогает их руками, любуется их неземным сиянием, ловит рассыпающиеся кометы и шальные метеоры, мостя ими свой путь — путь Вечного Странника. Наконец, видна цель, заворачивающая своим сиренево-синим холодным светом, какой не найдешь на земле. Чего еще можно желать, когда Мечта осуществилась? И взор невольно оборачивается назад, где остались лучшие годы, близкие люди, Родина... И отринув звездную пыль, Человек пускается в обратный путь, не замечая ни усталости, ни препятствий... Хотя прекрасно понимает: в тот мир, который покинул им, — больше не вернуться! Можно лишь остаться где-то поблизости... Скажем, на Венере...

"Я — угрюмый и упрямый зодчий храма, восстающего во мгле. Я взорвался от славы Отчий, как на небесах, и на земле. Сердце буддет пламенем палимо влать до дна, когда взойдут, ясны, стены нового Иерусалима на полях моей родной страны. И тогда повеет ветер странный — и прольется с неба страшный свет: это Млечный Путь расцвет неожиданно садом ослепительных планет..."

Владимир КРЫЛОВ.

КОЖКИСТАДОР

по-своему, с какой-то, свойственной лишь ему, Гумилеву, отрешенностью. Вот стихотворение "Наступление" (1914): "Та страна, что могла быть раем, стала логовищем огня. Мы четвертый день наступаем, мы не ели четыре дня. И залились кровью недели ослепительны и легки. Надо мною реутся шрапнели, птиц быстрее взлетают клинки. Я кричу, и мой голос ошкый. Это медь ударяет в медь. Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть. Слово молоты громовые или волны гневных морей, золотое сердце России мерно бьется в груди моей. И так сладко рыдать Победу, словно девушку, в жемчуга, проходя по дымному следу отступающего врага".

Простому глазу ясно виден налет псевдоромантизации войны, свойственной Гумилеву и позднее. Вот еще одно стихотворение того же цикла "Война": "Как собака на цепи тяжелой, тлякает за лесом пулемет, и жужжат шрапнели, словно пчелы, собирая яркочерную мед...". В 1916 году он напишет такие строки: "...Я за то и люблю затеи грозных военных забав, что людская кровь не святое изумрудное сока трав". Что это: бравада, лихачество или... глубокое пренебрежение опасностью, самой смертью, воспитанное еще во время мирных скитаний? Или гумилевское, "особое" видение жизни и смерти? Предоставим исследователям "ломать" над этим голову...

В эти и более поздние годы среди его стихотворений об Африке, Ближнем Востоке, флибустьерах, голубых и зеленых звездах все чаще и чаще появляются стихи, посвященные Родине, России, от которой он был так далек в юношескую пору. "...О, Русь, волшебница сурова, повсюду ты свое возьмешь. Бежать? Но разве любящие новое иль без тебя да проживешь?..." ("Старые усадьбы"). "Оранжево-красное небо... Порывистый ветер качает кровавую гроздь рябины..." ("Осень"). "Я ребенком любил больше, медом пахнувшие луга, перелески, травы сухие и меж трав бычачьи рога..." ("Детство")...

Вот обращается Гумилев к русской истории: через строки стихов к нам приходят Святая Ольга, билинный Вольга, Андрей Рублев... Знаменательно стихотворение "Мужик" (1918): "В чащах, в болотах озерных, у оловянной реки, в срубках мохнатых и темных страннесть мужики. Выйдет такой в бездорожье, где разбежался ковыль, слушает крики Стрибожьи, чуж старинную быль. С остановившимся взглядом здесь проходит печенег... Сыростью пахнет и гадом возле мелеющих рек. Вот уже он и с котомкой, путь оглашая лесной песней протяжной, негромкой, но озорной, озорной. Путь этот — светлы и мраки, повисит разбойный в полях, сороры, кровавые драки в страшных, как сны, кабаках... В диком краю и убогом многого таких мужиков. Слышен по вашим дорогам радостный гул их шагов".

Мне кажется, не понял до конца своего народа замечательный поэт: в годы, когда "мужики" создавали новую Россию, он писал о чем-то затерявшемся в глубине веков, где-то между Иваном Калитой и Иваном Грозным! Чтобы быть со своим народом, нужно понять его душу, чаяния, стремления... Это Гумилеву оказалось недоступным: ему ближе были снежные Кордильеры, африканские леса, озеро Чад, Месопотамия, пирамиды Египта, романтические северные и южные моря... Вот что он сам говорит о собственном творчестве:

"В этот мой благословенный вечер собрались ко мне мои друзья, все, которых я очеловечил, выведя их из небытия. Гонда разговаривала с Гафизом о любви Гафиза и своей, и над ним склонялись по карнизам головы волков и лебедей. Муза Дальных Странствий обнимала Зою, как сестру свою теперь, и лизал им ноги небывалый, золотой и шестикрылый зверь. Мик с Луи поделили капитанам, чтоб послушать о морских делах, и перед любезным Дон Жуаном Фанни сладкий чувствовался страх. И по стенам начинались танцы, двигались фигуры на холстах, обездумли камбоджийцы на конях и боевых слонах. Заливались вышестые птицы, а дракон ялялся уже без сил, даже Будда начал шевелиться и понохот розу попросил. И светилась звезды золотые, приглашенные на торжество, словно апельсины восковые, те, что падают на Рождество..."

Николай Гумилев аккумуляровал в себе и лирика, и романтика, и фантазера! Редчайшее сочетание, появляющееся один раз в столетие! Россия имела его в лице Гумилева. Кого можно еще поста-

Тверь.